

Время летело быстро. Скуку развеивали книги и записи, бывшие, как я уже выяснил, памятью самого Виктора. Хотя я и сомневался порой, что всё может быть так просто. Правда в какой-то момент времени меня так достала это неопределённость и невозможность быть в чём-то уверенным на сто процентов, что я... перегорел. Просто взял и перегорел. Не отбросил свою паранойю, бившую ключом с самых первых минут моего, эм, нового «путешествия», а, скажем так, смирился с неизбежным, принимая некоторые факторы за отправные константы. Как, например, с записями и книгами. Тут всё было относительно просто: стол олицетворял собой, если так можно выразиться, кратковременную память, а полки, соответственно, долговременную.

Вообще было забавно всё это... ну кроме того факта, что я каким-то образом очутился в голове вымышленного персонажа, чёрт бы его побрал (хотя не надо, пока я тут, в его голове). Нет, когда говорю «забавно», я имею ввиду «забавно с каждым днём понимать и осознавать нечто новое». Забавно строить догадки, подтверждать или опровергать их. Как и умирять собственную паранойю, шипящую словно кошка на любой шорох, точнее мысль. Подобное времяпрепровождение не давало сходить с ума от всей той задницы, в которую я угодил. Так, постепенно, я выдвигал разные предположения, одним из которых и была та теория о «столе и полках», олицетворяющих память. Проблема только в том, что если я действительно прав, и это память Виктора, то, как говорится, моё уважение этому господину. Сейчас поясню.

Через какое-то время, подразумеваю, каждые новые сутки, на столе появлялись листы с текстом. Там были мысли Франкенштейна. Его размышления, немногочисленные диалоги, кстати, повторяющиеся слово в слово изо дня в день и происходящие с одним и тем же человеком, и наблюдения. Стоило появиться новому листку с текстом, как начиналось небольшое светопредставление: самый «старый» лист вспыхивал переливающимся свечением и взлетал над столом. Текст на нём начинал плыть, трансформируясь, изменяясь, часть стиралась, словно отсеиваясь, а остальное расползалось и тасовалось, формируя новые абзацы. После этого текст, словно живой, «отлипал» от листа и устремлялся к разным книгам, вспыхивающими похожим свечением, а потом... буквы просто впитывались в корешки. Спустя секунду всё возвращалось на круги своя, будто и не было ничего. И если моё предположение правдиво, то стоило начинать смотреть на этот «кабинет» под новым углом. Углом, заставляющим испытывать неподдельное уважение к человеку со столь организованным и упорядоченным разумом.

Вдвойне жаль, что с каждым днём его желание плюнуть и поскорее покончить со всем, становилось лишь сильнее. Любые мои попытки поговорить, учитывая новые вводные, всё так же заканчивались провалом. К сожалению, психология и всякие ободряющие речи были не моим коньком. Более того, за всю свою жизнь мне редко когда выпадал шанс утешать кого-то, а когда был, то я его с треском проваливал. Нет, я не психопат или социопат, не умеющий в эмпатию, просто... Я действительно переживал за других, сочувствовал им, но именно в таких ситуациях не умел правильно подбирать слова, выражая свои мысли. Зато у меня отлично получалось бесить людей...

В ход вновь пошёл весь мой репертуар, как старый, так и новый, беря лишь краткие перерывы, в которые я читал свежие записи или пытался заглянуть в книги. Со вторым всё так же были проблемы – большая часть оставалась «каменной», а я так и не понимал, как получить к ним доступ.

Прорыв случился на третий день нашего противостояния. Признаюсь, я настолько увлёкся «доканыванием» действуя скорее на автомате, попутно погружившись в собственные мысли о том, «кто виноват и что делать», едва не упустив момент.

— Я отвечу ещё на один твой вопрос, если пообещаешь заткнуться хотя бы на один день, — вот как у него так получается, а? Казалось бы, едва ли уже одной ногой находящийся за гранью, измотанный пыткой, о тяжести которой я могу лишь догадываться, Виктор, оставался способен держать себя, не срываясь в ярость, гнев или ещё что, лишь подпуская долю раздражения в голос, как будто он и не валяется тут, «сцеживаемый» под какой-то наркотой, привязанный, униженный и обиженный. Про последние два пункта я не уверен, но я бы точно себя так чувствовал, а вот он... не знаю, может действительно и чувствовал, но тогда это ещё один лишний повод позавидовать его самоконтролю.

— Сделка! — думать приходилось быстро, прокручивая просто ворох вопросов, выросший с прошлой «беседы» в десятки раз. Мне хотелось узнать как можно больше, но в то же время я боялся, понимая, что если буду наглеть или спрошу что-нибудь лишнее, то Виктор мог попросту начать меня полностью игнорировать, не смотря ни на какие мои ухищрения. Что-то мне подсказывает, что самоконтроля сносить мои концерты ему хватит, пусть и не будет доставлять никакого удовольствия. Вот только в таком случае мои шансы выжить не просто будут стремиться к нулю, а вплотную к нему приблизятся!

— Я жду.

— Погоди, я думаю, о чём спросить... — слегка смущённо пробормотал я, когда время на раздумья «слегка» подзатынулось за внутренними метаниями: начинать ли свою «игру» или нет.

— Ну, думай, думай...

— Я могу задать любой вопрос, и ты ответишь на него предельно честно? — я понимал риск, но всё же решил спросить, и Виктор не обманул моих ожиданий.

— Ты ведь понимаешь, что я мог бы засчитать это как вопрос, чем он, по сути своей и является? — ответный вопрос прозвучал с толикой веселья и, я бы даже сказал, лёгкого азарта.

— Понимаю, но надеюсь на твою порядочность. Тогда и я буду соблюдать не только «букву» договора, но и следовать его «духу», ведь, если и ты будешь чтить только «букву», засчитывая этот вопрос, как, прости за тавтологию, вопрос, то и я могу заткнуться, но вот донимать тебя и развлекать себя иными способами мне это не помещает, — понимаю, что прохожусь по грани, но мне хотелось думать, что смог понять характер Виктора до той степени, чтобы быть уверенным в успехе на процентов пятьдесят. А это, нет, не хорошо, но работать есть с чем.

Спустя минуту молчания, за которые я успел изрядно накрутить себя, Франкенштейн с лёгким смешком продолжил:

— Ты можешь задать любой вопрос и получишь на него предельно честный ответ, — хм, а вот уточнить кому я могу задать вопрос и от кого получу честный ответ он не уточнил, засранец... Ладно, это вновь моя паранойя свою головушку из окопа высунула.

— Почему ты считаешь меня своей шизой? — не то, чтобы этот момент меня так сильно волновал, отчего я решил бы потратить столь редкий шанс на него, но таков был изначальный план. Какой? Тот, где я спасаю свою задницу и в успехе, которого не уверен и на жалкие двадцать процентов. Поэтому у меня был ещё один план, запасной, как и ещё один — запасной запасного. Нет, я не считал себя никогда великим манипулятором или ещё каким «Добрый Дедушкой всея Британии» шизофренического разлива, но когда целыми сутками сидишь один одинёшенек, а из развлечений лишь сочинения коматозника на тему «Как прошёл мой день», то думается только так.

— А кто ты? На демона не тянешь — они работают куда тоньше, — иронично «намекнули» мне на способ доканывания. — Это не телепатия, поскольку с моей защитой ты должен обладать силой, с которой способен взболтать мозги до состояния каши целой планете, а таким это зачастую не зачем, да и, опять же — работают намного тоньше даже первых, — с каждой новой крупницей информации я немножечко фигел... Вернее фигел всё сильнее, но собеседник пока не собирался меня щадить и останавливаться. — Маг? Тоже нет — они из своих келий не вылазят, и не почешутся, пока Земле не будет угрожать кто-то из-за грани. — прекрасно, блять, просто прекрасно — тут ещё и маги какие-то живут, не планета, а какой-то Марвел или, ещё хуже — ДиСи...

— Остаётся разве что одержимость или психическое расстройство, полученное вследствие последнего года моей «жизни», — если я раньше каким-то образом не смог бы понять, что Франкенштейн, кхм, не доволен своим текущим положением, то вот сейчас, учитывая тонны яда, в которых натурально «утопало» последнее слово, сложить два и два смог бы даже умственно отсталый орангутанг. Вот только... год? Я правильно понимаю, что он в таком положении уже год?!

— Первый вариант настолько невероятный, учитывая мои особенности, что я даже не рассматривал его до сего момента, а вот второй... Знаком ли тебе принцип Бритвы Оккама?

— Что-то вроде «самый простой вариант — самый верный»?

— Почти. «Не следует множить сущее без необходимости», — явно процитировал мне точную формулировку собеседник. — Следуя ей, ты можешь быть, как странным демоном, безумным мутантом-телепатом огромных сил, магом-отступником, так и неупокоенной душой, присосавшейся к моей. Каким-то непонятным образом миновал Копьё, но, вероятнее всего являешься именно плодом моего, измотанного последним годом жизни, разума. Я ответил на твой вопрос?

— Да... — а что мне оставалось ещё сказать? Пищи для разума я получил, как мне показалось, больше, чем смогу «прожевать» в ближайшие дни.

— Тогда, следуя «духу»... заткнись, будь так добр – хочу хотя бы один день провести в тишине и покое.

Информация, выведенная у Витяни действительно заставила меня задуматься на приличное время. Требовалось в равной степени, как обдумать всё сказанное, так и вносить коррективы в планы и, чем чёрт не шутит, придумать новые планы. Запасные запасных для запасных.

Помнится, я говорил, что Франкенштейн обладает отличной выдержкой? Что же, учитывая новую вводную про целый год, я больше склонялся, что называть это «отличной» выдержкой – изрядно преуменьшать – тут у моего собеседника выдержка из настоящего титана, как и яйца. Почему? Потому что я, наконец, узнал, что это за «Копьё» такое... Теперь становилось понятно, почему он столько протянул и это я сейчас не про физическое здоровье, а ментальное.

А дело обстояло так. Я уже упоминал, что мысли поступали каждый день, появляясь на столе? Так вот, на следующий день я имел счастье прочитать связанные с прошедшим разговором думы Виктора. И были они обширны, а я поражался тому, сколько всего дал один маленький разговор, в целесообразности которого я сомневался и, согласно плану, собирался использовать как первую ниточку доверия, между нами. Ну, во-первых, «бойся своих мыслей» говорят не просто так – моё, скорее шуточное предположение, о «Марвел, или ещё хуже – ДиСи» оказалось правдой. Нет, паранойя всё ещё бурчала откуда-то из бункера, который успела выкопать на месте окопа... Кхм, так вот, паранойя пусть и бурчала, что всё это может быть просто одним большим совпадением, но слишком многое говорило о том, что я, всё же в Марвеле. А всё из-за нескольких имён, которые всплыли в тексте «мыслей» на следующей день.

Одно принадлежало Чарльзу Ксавьеру, с которым Виктор не горел желанием встречаться, но был наслышан, как и о его «учебном заведении». А также его способностях мутанта-телепата того самого уровня, при котором «способен взболтать мозги до состояния каши половине планеты». Вторым, было «Древняя» – загадочная личность, носящая звание Верховного Чародея Земли, о которой ему, Виктору, удалось узнать, наведя некоторые справки, после рассказа «забавного и потешного демонического создания, самоуверенно пришедшего за мной и закончившего хрипящей аморфной массой в моей лаборатории». И если было бы только одно из двух, то ещё можно было сказать, дескать, совпадение, но вот оба они вместе катастрофически сокращали возможности для иной трактовки.

Как я к этому относился? Никак – Марвел и Марвел, не Вархаммер (упаси Император), не Пони какие или Фиксики – и то хлеб. У меня были проблемы поважнее, чем бегать кругами, заламывая руки и причитая о своей горькой судьбинушке, мусоля мысль о собственной смерти или какого другого способа своего попаданчества (от слова «жопа») – тут бы вновь не окочурится вслед за соседом по телу, а не вот это вот всё. А шанс поучаствовать в коллективном суициде (правда это скорее будет просто убийство, ведь накладывать на себя руки я уж точно не собирался, но ктож меня спрашивает) грозил на горизонте и очень даже реальный. Только сильно сомневаюсь, что мне выпадет «третий шанс», когда добрый дядя Витя хлопнет дверкой, цепи на которой постепенно ржавеют... Просто одно слово – Копьё. Угроза, приговор и его вынесение – всё было в этом единственном слове.

То, что меня так пугало, на деле оказалось в разы хуже. Я почти на сто процентов уверен, что я увидел лишь верхушку айсберга. Это не просто оружие, а нечто живое. Обладающее своей Волей (прямо так, с большой буквы), вечно голодное, безумное, яростное и ужасающее... слияние душ, созданное Франкенштейном. Нет, я не попал в местного Боженьку, который на коленке способен создавать души, а затем их «слиянивать». Просто о факте «создания» было написано в записях. Вот только о том, как именно этот... Франкенштейн смог создать живое, чтоб его, оружие и, вообще, действительно ли сам создал его (уймись, паранойя!) информации в мыслях не было. Зато было другое, цитирую: «Нет, это точно не одержимость, даже в текущей ситуации Копьё бы не упустило возможности пожрать бесхозную душу, а значит оно побеждает... Противостоять его шёпоту становится сложнее с каждым днём... Скоро я окончательно сойду с ума, достигая точки невозврата. Нужно решаться, тогда есть шанс, что это проклятое Копьё умрёт со мной, а я не стану сломленной марионеткой в его власти». То есть, подводя итог, то, что я принимал за жопу, оказалось лишь, так сказать, предпоказным постером к фильму, за которым была настоящая задница!

Итак, у нас есть Марвел со всеми его мутантами, вампирами, пришельцами, богами, супер брьюликами, а так же прочей придурью Стэна Ли и его друзей-товарищей, одна штука; Гениальный-учёный-суицидник, одна штука; Придурковатый попаданец, застрявший в чужой голове, одна штука; Демоническое живое оружие, пытающееся сожрать учёного-суицидника и точно сожрущее придурковатого попаданца, одна штука; И, наконец, вампирское логово, полное кровососущих кровососов, пленивших гениального-учёного-суицидника и заодно, сами того не подозревая, придурковатого попаданца, которого сожрёт демоническое живое копьё, когда гений-учёный-суицидник решит убить себя... одна, блять, штука!

Замечательный коктейль... Взболтать, но не смешивать! Да уж, накрыло меня не слабо тогда. Едва не нарушил сделку с Виктором, а он, между прочим, молодец – мог ведь и ответить, дескать, «считаю тебя шизой, потому что так решил считать». Ответил же? Ответил! Честно? Честно – ведь он же решил так считать, а почему решил именно так – вопрос уже другой. Да и, в очередной раз поражаюсь его Силе Воли. Мало того, год валяться в закромах вампиров, постоянно кровотока и накачиваемый химией, так ещё и сопротивляться, как он сказал, шёпоту, Копья, который, как мне кажется, ни хрена не «шёпот».

В целом я стал в какой-то мере понимать Витьку, понимать его желание закончить всё это, перестать вести бой за собственный рассудок с бешеным зверем, обрести, наконец, покой. Вот только понимать и принимать – разные вещи. Не завись моя жизнь от решения Виктора, то и флаг бы ему в руки, да барабан в задницу – я бы и слова не сказал, наоборот, уважительно похлопал выдержке, да выпил бы горькой в память о нём. Вот только между ним и сраной бешеной демонической «тыкалкой» находился я, а я не горел желанием умирать. Вообще! Особенно мне не нравятся любые способы, при которых мою душу схочмячит какой-то инфернальный плод гениально ума мужика из выдуманной Стэном Ли вселенной! А значит, что? Значит надо думать и придумывать, как выживать в заведомо безвыходной ситуации.

В последующие время, за которое я решил не доканивать Франкенштейна и дать ему отдохнуть от своих концертов на парочку дней побольше (это не я такой щедрый, просто думать нужно было много), был рождён гениальный план. Хочет умереть – пусть, но только меня не надо в это втягивать. Гениальность плана состояла в том, чтобы уговорить Витяню поделиться телом... Вернее отдать мне его насовсем.

Звучит как бред, может даже является им, но иного выхода я не видел. Прожить жизнь чьей-то, пусть даже Витька, шизой, мне как-то не вкатывало. А так оно и будет в лучшем случае. В худшем – буду либо забыт и «заигнорен», либо вытравлен каким-нибудь образом из черепашки Франкенштейна им же самим – было бы желание, думаю, способ он найти сможет, а вот запариваться моим благополучием – маловероятно. Ну и, в самом паскудном варианте – смерть от лап Монстрика-Из-за-Двери.

Ладно, пусть план – дерьмо, но реализовывать его как-то надо было. Тем более сейчас лучшее временем для этого. Да и план, по первичному этапу, был схож с тем, что я начал проворачивать до этой, кхм, шокирующей информации. Оставалось только убедить Франкенштейна, что я не какая-нибудь, вызванная эманациями Копья шиза, а Шизень православная, так сказать, копьепротивная, а то пошлют меня, чувствую, в далёкие дали с моими «хениальными» идеями. Да и про Копьё побольше бы узнать не мешало, а то окажется вдруг, что участь носителя в тысячу раз хуже участи жертвы. Н-да уж, неловко выйдет...

Тут мой взгляд переместился к той самой двери, а в голове зашевелились шестерёнки. Я же чувствовал уже «шёпот» у двери и с тех пор ближе, чем на десяток метров стараюсь к ней не подходить. Идею, как бы мне не хотелось иного, нужно было проверить. Заключалась она в том, чтобы посмотреть, как влияет Копьё на меня и как долго я смогу ему противостоять. Да, очередной говно-план, но...

Медленно, шаг за шагом, вслушиваясь в собственные ощущения, я подходил к двери. Сначала, будто приближаясь к отдалённому источнику, на грани слышимости стал появляться едва различимый шум. Столь тихий, но в тоже время неприятный, не знаю, будто какой-то ультразвук, от которого непроизвольно начинают бегать мурашки по телу.

Шаг. Ещё один. И ещё. С каждым новым, шум становился чётче, но всё ещё недостаточно, а внутри всё леденело, будто я подсознательно не хотел подходить ближе. Так я и замер, стараясь ощутить в себе изменения, кроме тех, что чувствовались столь явно. Сколько бы я не вслушивался, передёргиваясь от струек холодного пота, стекающих под одеждой, но ощутить, кроме иррационального страха ничего не мог.

Тогда я сделал ещё один шаг. Вот тут-то едва различимый шум приобрёл явный, всё ещё тихий, но уже узнаваемые шёпот.

— Подойди/Отдайся... Пади/Подчинись/Не сопротивляйся...

Голод/Желание/Сила/Боль/Страдания/Упоение... Убирайся/Умри/Сдохни...

Подчиняй/Убивай/Сражайся/Разрушай/Забирай... Открой/Выпусти/Освободи/Верни... — сотни разных голосов шептали, звали, ненавидели, желали каждый своё. Шёпот, казалось, заполнял всю периферию, погружая разум в транс, словно удав, гипнотизирующий свою жертву. Я чувствовал, как их вкрадчивые голоса заполняют голову, заглушая мои собственные мысли, но одновременно с этим я понимал, что способен противостоять им. Можно ли назвать это «волевым усилием», но именно им я отстранил их, выводя на передний план собственные мысли, показавшиеся мне оглушительными и чёткими на фоне прочих голосов, стоило лишь сфокусироваться.

Меня захватил азарт, отчего сделал ещё один шаг. Шквал голосов ударил громче, ярче, яростнее, чем в прошлый раз, вновь заглушая собственные мысли. Тем же усилием я ещё раз заставил их уйти на второй план. Подождав с минуту, привыкая к новому ощущению, я сделал ещё шаг, после чего голова едва ли не взорвалась громом, нет не шёпота, а настоящих криков. В этот раз я не стал выпендриваться и сделал шаг назад, растирая прострелившие болью виски.

Итог – мой текущий предел – где-то расстояние вытянутой руки до двери, дальше сфокусироваться не получалось от слова совсем. Слишком громко, слишком много... Пойти что-ли стресс снимать, единственным доступным, а главное полезным, способом? Как раз время договора исчерпало себя в тройном объеме.

<http://tl.rulate.ru/book/99886/3553161>